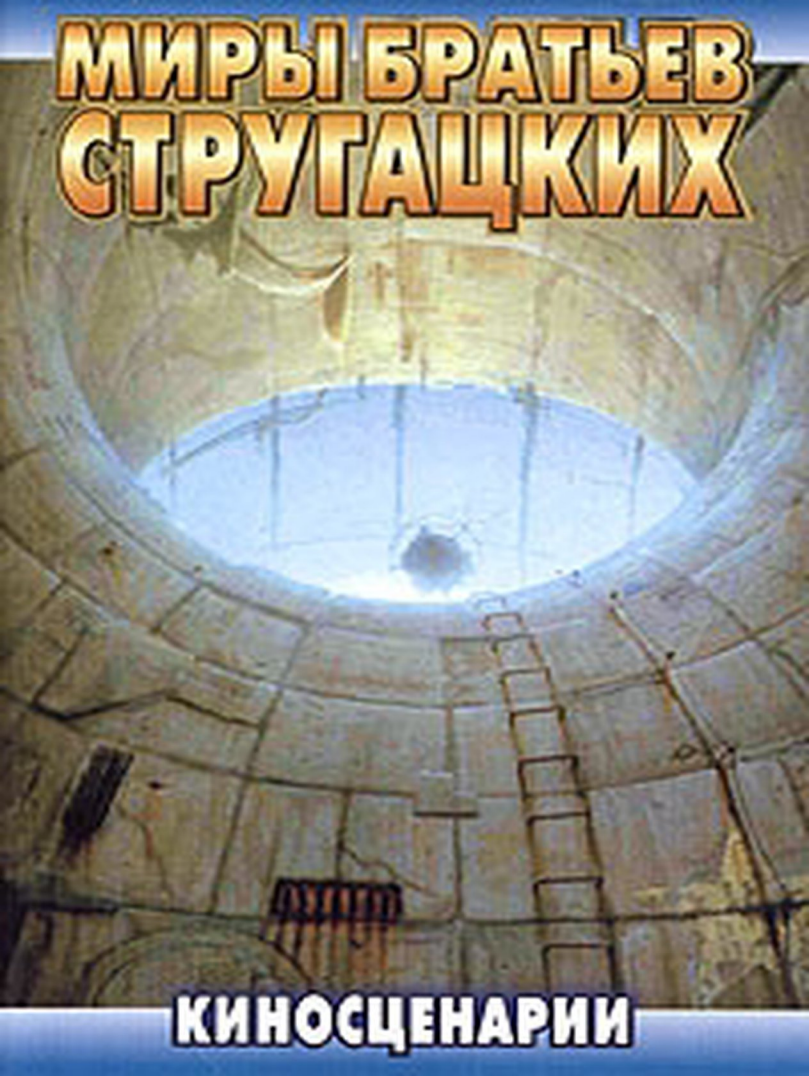
МИРЫ БРАТЬЕВ
СТРУГАЦКИХ
КИНОСЦЕНАРИИ

Машина желаний

Аркадий Натанович Стругацкий, Борис Натанович Стругацкий

Аннотация
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Машина желаний

Аннотация

«Машина желаний» киноповесть (киносценарий), один из вариантов «Пикника на обочине».

В центре повествования — драматический и психологически убедительный образ «сталкера», неплохого, но запутавшегося паренька, на свой страх и риск, совершающего смертельно опасные вылазки в так называемые «зоны Посещения» — места транзитных посадок таинственных пришельцев, оставивших после себя множество непонятных артефактов. Именно последние составляют горький хлеб сталкеров (за нежданными инопланетными дарами нелегально охотятся все — от ученых до военных и криминальных структур).

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий
Машина желаний

Отвратительно резкий звонок будильника.

В комнате темно, только каждую секунду озаряется мертвенным синим светом далекой неоновой рекламы прямоугольник окна.

Звонок обрывается, и сейчас же вспыхивает неяркий огонек ночника. Угрюмый мужчина отбрасывает одеяло, и садится в постели, свешивает ноги и ожесточенно обеими руками чешет взлохмаченные волосы. Неожиданно легким скользящим движением отделяется от постели и оказывается у окна. Оглядывает небо, улицу — неоновый свет равномерно выхватывает из полутьмы и гасит его быстрые внимательные глаза, твердо сжатые губы. Он словно и не спал вовсе.

Тихонько скрипит дверь. В комнате появляется молодая женщина в длинной ночной рубашке, бесшумно дудит к столу и ставит поднос: кофейник и чашка с дымящимся кофе. Мужчина берет чашку, жадно, в два глотка выпивает и сейчас же наливает еще.

— Что Мартышка? — хриплым голосом спрашивает он.

— Спит… — тихо отзывается жена. — Ночью два раза плакала…

Мужчина залпом выпивает вторую чашку и наливает третью. Женщина закуривает две сигареты сразу, одну протягивает ему. Он глубоко затягивается и, сказав: «Ну, ладно…», начинает одеваться.

Он снимает пижаму и берет со стула нечто вроде белого длинного жилета из блестящего материала, расправляет его на вытянутых руках с растопыренными пальцами и внимательно оглядывает. Жилет соскальзывает с пальцев и падает на пол со странным звякающим звуком. Мужчина, чертыхнувшись невнятно, поднимает жилет и натягивает поверх майки.

— Виктор… — тихо говорит женщина.

— Ну? — Он не оборачивается.

Но женщина молчит — курит и глядит, как он напяливает на руки длинные рукава из такого же блестящего материала, пристегивает их к жилету, а затем принимается бинтовать кисти рук полупрозрачной клейкой лентой. Снимает пижамные штаны и натягивает на ноги рейтузы со штрипками, такие же серебристые и, видимо,

тяжелые, как жилет. Облачившись, он делает несколько резких гимнастических движений: приседает, нагибается во все стороны, затем берет сигарету, затягивается и снова отхлебывает кофе.

Громко стучит будильник. Стрелки показывают начало третьего.

Виктор влезает в просторный комбинезон, тщательно застегивает все пуговицы, и задергивает все молнии, и натягивает перчатки. Затем опускается на корточки перед ночным столиком и открывает выдвижной ящик. В свете ночника прежде всего бросается в глаза огромный черный пистолет. Виктор сдвигает его в сторону и зачерпывает горстью из россыпи девятимиллиметровых гаек, устилающих дно ящика. Ссыпает гайки в правый набедренный карман, зачерпывает еще одну горсть и ссыпает в левый карман. Закрывает ящик и поднимается. Глоток кофе, затяжка. Он садится на кровать и принимается бинтовать прозрачной лентой голые, ступни.

— Хочешь еще кофе? — спрашивает женщина.

— Нет.

Он поднимается, докуривает сигарету, раздавливает окурок о блюдце. Не взглянув на женщину, выходит в прихожую. Двигается он на редкость

легко и бесшумно, как тугая резиновая шина.

В прихожей он садится на низенькую скамейку и натягивает резиновые сапоги. Женщина, прислонившись плечом к косяку, молча смотрит, как он встает, притопывает, натягивает плотно кожаную шапочку с длинным козырьком, поднимает и вскидывает за спину тяжелый рюкзак и берет из угла футляр с удочками и сачок.

— Сигареты, — говорит он.

Женщина бесшумно скрывается в полутьме комнаты, а он в два шага оказывается у входа в детскую, приоткрывает дверь, смотрит.

В круге слабого света видна детская кроватка, голая детская рука на подушке. Рядом с кроваткой — пара детских костыликов, и на ночном столике — черные детские очки.

Виктор тихо закрывает дверь. Женщина молча стоит возле него с пачкой сигарет в руке. Он берет пачку, засовывает ее в нагрудный карман, неловко действуя одной рукой (в другой у него удочки).

— Все, — говорит он. — Держи хвост пистолетом.

Он прикрывает за собой дверь квартиры и начинает спускаться по лестнице. Грязноватый пролет ярко освещен лампочкой без плафона. На

шероховатой стене рядом с дверью грубо выцарапана злая и глупая карикатура: растрепанная уродливая девчонка в огромных черных очках и на растопыренных костылях.

Пролетом ниже, на площадке в углу торчит, заметно покачиваясь, какой-то хорошо одетый человек без шляпы, в испачканном пальто. Широченный цветастый шарф, выбившись, свисает до полу. Когда Виктор проходит мимо него, видно, что человек этот изжелта бледен и мертвецки пьян.

ДИКТОР. Два десятилетия прошло с тех пор, как наш маленький голубой шарик, несущийся по необъятным просторам Вселенной, впервые на памяти человечества стал объектом внимания могущественной сверхцивилизации, родина которой затеряна где-то в безбрежном Космосе. Кто они были? Зачем посетили нас? Куда ушли потом — так те внезапно, как и появились? Об этом можно только догадываться. Были они добры или жестоки? Пришли к нам с миром или с войной? Видели в нас равноправных братьев по разуму, или пренебрегли нами, или вообще не заметили нас? В ту страшную ночь двадцать лет назад тысячи людей поседели от ужаса, сотни стариков и детей были растоптаны в обезумевших

толпах беженцев, некоторые навсегда лишились рассудка, некоторые временно потеряли зрение и слух, но! — ни один человек не погиб под развалинами, ни один человек не сгорел, не погиб от таинственных излучений, ни один человек не пострадал от чудовищных взрывов, сотрясавших окрестности. И могущественной боевой технике Земли, мгновенно изготовившейся к отражению инопланетного нашествия, так и не пришлось вступить в дело. Космические пришельцы посетили нас и ушли, и как след посещения — осталась Зона.

Зона! Неизгладимый шрам на лике нашей матери-Земли, вместилище жестоких чудес, могучее щупальце невероятно далекого будущего, запущенное в наш сегодняшний день!

ПЕРВЫЙ УЧЕНЫЙ. Мы — счастливые люди. Нам повезло увидеть своими глазами и пощупать своими руками образцы технологии нашего послезавтрашнего дня…

ВТОРОЙ УЧЕНЫЙ. Я лично не жду больше никаких открытий. Главное открытие уже сделано: человечество не одиноко во Вселенной…

ТРЕТИЙ УЧЕНЫЙ. Пришельцы так невероятно далеко обогнали нас, что имеет смысл рассматривать Зону со всем ее содержимым не как дело

чьих-то рук, а как явление природы, каковое надлежит тщательно изучить и поставить на службу земной науке и технике…

ДИКТОР. Поставить на службу земной науке и технике! Этак — вечный аккумулятор. Никто не знает, как он устроен, но мы научились размножать его, и вот — двигатели на этажах, коренной переворот в малогабаритной технике, миллионы и миллиарды тонн сэкономленной драгоценной нефти… «Синяя Глина»! Никто не знает, как и почему она лечит, но уже теперь человечество навсегда забыло, что такое инфекционные заболевания… Но не так-то просто добраться до тайн и сокровищ Зоны. Всем памятны ужасные катастрофы, которыми закончились первые героические, но неумелые попытки проникнуть в глубину Зоны с земли и с воздуха. Погибли десятки энтузиастов. Взять Зону штурмом не удалось, и тогда человечество перешло к планомерной осаде.

ДИРЕКТОР МЕЖДУНАРОДНОГО ИНСТИТУТА ВНЕЗЕМНЫХ КУЛЬТУР. Мы по-прежнему бесконечно далеки от победы над Зоной. Однако нам удалось организовать сравнительно безопасные и эффективные мероприятия, обеспечивающие непрерывный и достаточно обильный поток

новой информации из Зоны… Во всяком случае, жертв больше нет, и земная наука не успевает изучать и обрабатывать доставляемые из Зоны материалы… Мне кажется, что проблема сейчас лежит в совсем другой плоскости, относящейся скорее к компетенции не науки, а политики. Я имею в виду прежде всего безответственную и в конечном счете античеловеческую деятельность агентуры военно-промышленных комплексов…

ДИКТОР. Едва возникла Зона, как возникла новая профессия: космический браконьер, расхититель космической сокровищницы. У него нет никакого оборудования. Он знает, что идет на верную смерть. Он знает, что возвращается один из десяти. Один из пяти возвратившихся остается калекой на всю жизнь. У семи из десяти уцелевших рождаются дети-уроды. Он вне закона, он вне морали, но он снова и снова идет в Зону, истому что находится люди, готовые заплатить огромные деньги за любой экспонат, неизвестный науке.

УЧЕНЫЙ — ДИРЕКТОР ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «АЛЬФА-ПЕГАС». Наши лаборатории не имеют дело с космическими объектами, мы уважаем эмбарго ООН. Но лично я никогда

не поддерживал этого эмбарго. Опыт показывает, что частные исследования сплошь и рядом оказываются более эффективными, нежели государственные и международные. Я признаю, конечно, что имеет место определенный риск, связанный с бесконтрольностью и прочими отрицательными факторами. Но не кажется ли вам, что ставка достаточно велика и оправдывает этот риск?

ДИКТОР. Ставка невообразимо велика: счастье людей, населяющих нашу планету. Именно поэтому мы не можем, не имеем права рисковать. — Человечество защищается. Вокруг Зоны сооружается стена. Полицейские силы ООН днем и ночью патрулируют подступы к Зоне. Никакие меры не могут считаться слишком жестокими, когда речь идет о том, чтобы пресечь утечку космических сокровищ в жадные и нечистые руки. Зона принадлежит только человечеству в целом. Со всеми ее чудесами, жестокими и добрыми. Кто не знает легенды о Золотом Круге? Где-то в глубине Зоны, в мрачном ущелье, опутанном чудовищной паутиной, лежит огромный золотой диск. Тот счастливец и смельчак, которому удастся преодолеть тысячи смертельных опасностей и ступить ногой на этот диск, получит право на

исполнение любого своего желания. Легенда? Сказка? Вот уникальные кадры, полученные искусственным спутником «Европа-711» с высоты сто двадцать километров. После получения этих кадров связь со спутником была утрачена… Но может быть, это и есть таинственный Золотой Круг? Машина, исполняющая желания…

Вагон электрички, битком набитый рабочими ночной смены. Виктор стоит в тамбуре, прижатый к двери, курит и смотрит, как за окном проносятся какие-то огни и отражения огней в мокром асфальте, подсвеченные снизу дымы за высокими кирпичными стенами, залитые ярким светом гектары, уставленные неподвижными автомобилями, фабричные трубы с гирляндами красных опознавательных огней… Электричка останавливается, угрюмые заспанные люди валом вываливаются на перрон, двери захлопываются, и электричка катит дальше. Теперь за окнами темно, и в грязноватом стекле с потеками отражается лицо Виктора и тлеющий огонек его сигареты.

Виктор выходит из пустого вагона на пустой перрон. Здесь — дождь. Блестит асфальт, блестят пустые скамейки. Электричка, блестящая и мокрая, срывается с места и скрывается в темноте.

Виктор поглубже натягивает на лоб длинный козырек своей кожаной шапки и, ссутулившись, идет по перрону, шлепая прямо по лужам. Спускается с перрона и сворачивает в темноту, в мокрые кусты. Некоторое время он бредет напролом, кусты кончаются, начинается лес. Под ногами чавкает, вдалеке взвыла и затихла электричка. Однообразно шуршит дождь в ветвях над головой. Виктор идет уверенно — видно, что путь этот хорошо ему знаком. Лес обрывается внезапно, и, перепрыгнув через кювет, Виктор оказывается на заброшенном проселке. Шагах в десяти от него темнеет силуэт автомобиля. Это маленький вездеход вроде «лендровера» или «джипа».

Виктор подходит к машине, распахивает дверцу и садится рядом с водителем. Человек за рулем сразу же заводит двигатель и включает фары.

— Прямо вперед, — говорит Виктор.

Машина трогается.

Дорога скверная. Машина скачет и подпрыгивает на колдобинах, каскады воды из луж то и дело заливают ветровое стекло. Свет фар выхватывает из мокрой тьмы то наполненные водой колеи, то мокрые стволы деревьев, то верхушки телеграфных столбов с оборванными проводами.

— Меньше газу, — говорит Виктор. — Притор-

мозите. Около того белого камня — направо.

Машина сворачивает и осторожно въезжает на покосившийся мостик. Свет фар скользит по крестам и обелискам заброшенного кладбища. Потом начинается заброшенный дачный поселок. Здесь давно уже никто не живет, аккуратные белые заборчики покосились, буйно разрослась сирень в палисадниках, окна домов заколочены, и только на окраине в одном из домиков желтеет освещенное окошко, в его свете мокнет под дождем развешенное белье, и здоровенный пес, задыхаясь от ярости, вылетает наперерез машине и некоторое время мчится следом в вихре грязи из-под колес.

— Позаброшен дом наш, — декламирует водитель, — пуст он и покинут смелыми и верными, выросшими в нем…

— Помолчите, — сквозь зубы говорит Виктор.

Некоторое время они едут сквозь тьму и дождь молча, а потом впереди, за поворотом дороги появляется вилла: крепкая фигурная решетка, домик привратника у запертых ворот, двухэтажное модерновое здание — стекло и бетон в стиле Райта, смутно белеют абстрактные скульптуры сквозь заросли. Нижний этаж здания залит светом.

— Остановитесь, — произносит Виктор.

Водитель удивленно поворачивает к нему лицо.

— Зачем?

— Остановитесь! — повторяет Виктор, чуть возвысив голос.

Водитель резко тормозит. Чехол с удочками и рюкзак валятся с заднего сиденья, а сачок падает водителю на голову.

— Ч-черт... — шипит водитель, выпутывая из сачка сбитые очки.

Виктор протягивает руку к рулю и дает короткий гудок. Сейчас же свет на вилле гаснет. Окрестность погружается во тьму. Где-то хлопает дверь, слышится веселое посвистывание и чавканье шагов по грязи. В отсветах фар возле водительской двери появляется мокрое веселое лицо, которое, впрочем, тут же недоуменно вытягивается.

— Пардон, — произносит человек из виллы. — Я думал, это за мной.

— За вами, за вами, — говорит Виктор. — Садитесь сзади.

— А, шеф, вы здесь... Прелестно. А кто же этот тип? По-моему, он в очках...

— Садитесь! Быстро!

Человек из виллы вваливается на заднее сиденье и принимается возиться там, пристраивая свой рюкзак.

— Надо вам сказать, — говорит он, чуть запинаясь, — я испытал некоторый шок. Откуда очки? Почему на моем шефе очки?..

— Вперед, — командует Виктор.

— Вперед и только вперед! — подхватывает человек из виллы.

Водитель, поджав губы, трогает машину.

— Очки — это признак интеллигентности! — объявляет человек из виллы.

Виктор произносит через плечо:

— Все-таки напился.

— Напился? Ни в коем случае. Я выпил. Я выпил, как это делает половина народонаселения. Другая половина — напивается, женщины и дети включительно. Ну и бог с ними. А я выпил. Направляясь на рыбную ловлю. Ведь мы направляемся на рыбную ловлю, а, шеф?..

...Машина с погашенными фарами стоит на проселке. Вокруг смутно виднеются мокрые кусты, но дождь прекратился. Виктор бесшумно выходит из машины и идет вперед, туда, где в конце проселка влажно поблескивает асфальт. Водитель тоже выходит, догоняет его и идет

рядом.

— Зачем вы взяли этого пьянчугу? — говорит он.

— Ничего, — отзывается Виктор. — Он протрезвеет. Это я вам обещаю. — И, помолчав, добавляет: — А потом, его деньги ведь ничуть не хуже ваших…

Водитель быстро взглядывает на него, но не говорит больше ни слова. Они останавливаются на перекрестке и из-за кустов смотрят на заставу в сотне метров впереди по шоссе. В маленьком деревянном домике-времянке горит одинокое окошко. Рядом в мертвом свете мощного прожектора чернеют два мотоцикла с колясками и патрульная машина. Вправо и влево от шоссе уходят в лес столбы с колючей проволокой.

— Они все спят, — шепчет водитель. — Разогнаться как следует и проскочить на полной скорости… Они и мигнуть не успеют.

— М-да… — говорит Виктор. — На полной скорости… Пошли.

Они возвращаются к машине. Водитель направляется было к своему месту, но Виктор молча отстраняет его и садится за руль сам. Водитель безропотно обходит машину и садится на место Виктора. Человек из виллы, дремавший на зад-

нем сиденье, вскидывается.

— А? — зычно произносит он. — Приехали?

Виктор поворачивается и, взяв его пятерней за физиономию, с силой отталкивает назад. Человек ив виллы ошеломленно таращит глаза, затем говорит шепотом:

— Понял… Понял…

Машина трогается, на малых оборотах выползает на шоссе, сворачивает и тихо, очень тихо, в полном соответствии со знаками, ограничивающими скорость, светящимися на обочине, катится мимо заставы. Когда она входит в луч прожекторной лампы, на черном мокром кузове ее видны надписи на разных языках: «ООН. Институт внеземных культур», «ЮНО. Институт ов Экстратерриториал Калчерз»…

Машина на бешеной скорости несется во тьме по широкому мокрому шоссе. Виктор с потухшим окурком в углу рта — за рулем. В отсветах фар поблескивают очки его соседа справа. Человек из виллы, весь подавшись вперед, держится обеими руками за спинки передних сидений и напряженно смотрит на дорогу. Он заметно протрезвел.

Впереди в свете фар справа от дороги появляется огромный щит с флюоресцентными надписями на разных языках: «Внимание! До границы Зоны

300 метров», «Этеншн! 300 митерз то зе Зоун лимитс»… Виктор сбрасывает газ и переключается на ближний свет.

Машина с потушенными фарами — горят одни подфарники — осторожно сползает с шоссе, вваливается в кювет, вылезает из него и, пофыркивая двигателем, вламывается в кусты. Она хрустит и ворочается в зарослях, как некое чудовище, потом двигатель затихает, гаснут подфарники, и голос Виктора произносит во тьме:

— Берите вещи. Выходите. И побыстрей.

Едва заметными тенями они отделяются от темной массы машины. Потом вдруг становится светлее — голубоватым бегущим светом озаряются низкие тучи, и теперь видно, что машина остановилась у подножья четырехметровой стены: верхняя кромка ее резко вырисовывается на фоне голубых сполохов. Потом где-то вдали глухо стучит пулеметная очередь, ей отвечает очередь поближе и более отчетливо.

— Стреляют… — сообщает человек с виллы.

— За мной, — командует Виктор, — рюкзаки нести в руках.

Он идет вдоль стены, время от времени наклоняясь и что-то разглядывая под ногами. Через минуту он опускается на колени и принимается

расшвыривать кучу ветвей и листьев. Далекий пулемет за стеной бьет длинными очередями. Виктор садится на пятки, покрепче ухватывает рюкзак. «За мной», — командует он и ныряет в подземный лаз, ведущий под стену.

— Прошу вас, Профессор, — говорит человек с виллы..

Профессор покрепче насаживает на нос очки и опускается на четвереньки. Пулеметная очередь ударяет совсем близко. Человек из виллы втягивает голову в плечи и приседает.

— Интересно, в кого они стреляют? — бормочет он. — Ведь я еще здесь…

В тот момент, когда Виктор высовывает голову из кучи веток по ту сторону стены, слышится дробная серия хлопков, и в небо взлетает дюжина осветительных ракет. Становится светло, как днем.

Сразу за стеной — кочковатое ровное пространство, высохшее болото, торчат редкие прутики. Дальше, шагах в двухстах, тянется железнодорожная насыпь.

Ракеты медленно опускаются. Виктор следит за ними, прищурившись. Цедит сквозь зубы:

— Ж-жабы…

Снова наступает тьма. И сейчас же откуда-то

слева протягивается голубой луч прожектора. Прожектор далеко, но света от него достаточно, чтобы видеть, как Виктор торопливо выбирается из норы и, вытянув рюкзак, плашмя ложится на землю.

— Быстро! — шипит он. — Быстрее, быстрее!

Неуклюже выбирается Профессор, таща за собой свою поклажу, за ним из норы высовывается сначала рюкзак человека из виллы, а затем высовывается и сам он, но в эту секунду где-то совсем рядом грохочет пулемет, и голова человека из виллы поспешно снова прячется под землей.

— Да быстрее! Быстрее, ты! — шипит Виктор.

Когда человек из виллы выбирается наконец наружу, Виктор говорит вполголоса:

— Ползком за мной. Головы не поднимать, мешок держать так, слева. Не трусьте, они нас не видят. Если кого случайно зацепит, не орать, не метаться — увидят и убьют. Ползи назад, выбирайся на шоссе. Утром подберут. Все ясно?

— Я бы хлебнул… — тихонько говорит человек из виллы.

— Нельзя. Потом. Пошли.

И они ползут в призрачном рассеянном свете, прикрывая головы рюкзаками, и скоро их уже не разглядеть на поле, а пулеметы все постреливают

ют, и то место, где они были минуту назад, вдруг вспарывает густая очередь.

Раннее утро, густой молочно-белый туман, видны только мокрые ржавые рельсы. Очень тихо. Потом из тумана доносится железное постукивание. Оно приближается, и вот сквозь него уже пробивается унылое посвистывание на какой-то веселый разбитной мотивчик.

Это дрезина. Впереди на платформе, свесив ноги, сидит Виктор с потухшим окурком на губе. Он напряженно вглядывается в туман перед собой. Рюкзаки свалены у него за спиной. Профессор и человек из виллы, оба грязные и встрепанные, качают рычаги дрезины. Веселый мотивчик насвистывает человек из виллы. Свистит он чисто, красиво, мелодично и в такт движению рычага. Потом он обрывает свист и взглядывает на часы.

— Без десяти шесть, — говорит он хрипловато. — И все время в гору…

Ему не отвечают.

— А вы в самом деле профессор? — не унимается он.

— Да, — отвечает Профессор.

— Меня зовут… — начинает человек из виллы.

— Его зовут Антон, — не оборачиваясь, громко говорит Виктор.

Человек из виллы потрясен этим сообщением, но молчит.

— Гм… — говорит Профессор. — А меня как?

— А тебя зовут Профессор, — отзывается Виктор.

— Меня зовут Профессор, — сообщает человек в очках. — И я профессор.

— Польщен, — говорит Антон, пытаясь шаркнуть ножкой. — А я — писатель, но все зовут меня почему-то Антон. Представляете, как неудобно?

— Известный писатель? — спрашивает Профессор.

— Нет. Модный. Видели мою виллу?

Некоторое время они молчат, усердно работая рычагом. Потом Виктор вдруг говорит: «Тихо!» Он наклоняется вперед, всматриваясь, и хватается за ручной тормоз.

Впереди из тумана надвигается что-то большое и темное, и дрезина останавливается в нескольких метрах от буферов товарного вагона.

— Приехали, — говорит Виктор и спрыгивает на шпалы. — Отдых.

— Ф-фу! — произносит Антон, распрямляясь. — Ну теперь-то мне можно хлебнуть?

На газете, расстеленной поверх платформы, стоят термосы с кофе, бутылка спиртного, развер-

нуты пакеты со снедью. Все трое усердно жуют, прихлебывая кофе из складных стаканчиков. Теперь уже совсем светло, но туман пока не рассеялся, он такой же густой, как и раньше, только уже не молочно-белый, а зеленоватый. Но из всего окружающего мира видна по-прежнему только задняя стенка товарного вагона.

— Вы для меня оба новички, — говорит Виктор. — Я вас в Зоне не видел и ничего хорошего от вас не жду. Вы меня наняли, и я постараюсь, чтобы вы остались живы как можно дольше. А поэтому не извольте обижаться. В Зоне церемониться некогда. Буду просто лупить чем попадя, если что не так…

— Только, пожалуйста, не по левой руке, — говорит Антон.

— А почему не по левой? — удивился Виктор.

— Она у меня сломана с детства. Я ее берегу.

— А… — Виктор усмехается. — А я думал — ты левша, пишешь левой. Ладно, буду по голове. Как она у тебя с детства?

— Уж очень вы с нами суровы, шеф, — говорит Антон и тянется к бутылке.

Но Виктор перехватывает бутылку, накрепко завинчивает пробку и сует бутылку в рюкзак.

— Хватит, — говорит он.

— Эхе-хе-хе-хе, — произносит Антон и наливает себе еще кофе.

— Тихо как, — говорит Профессор. Он задумчиво курит, откинувшись спиной на рычаг.

— Здесь всегда тихо, — говорит Виктор. — До пулеметов далеко, километров пятнадцать, а в Зоне шуметь некому.

— Неужели пятнадцать километров? — говорит Профессор. — Я и представления не имел, что можно так далеко углубиться…

— Можно. Углублялись. Сейчас вот туман рассеется, увидишь, как они тут углублялись.

Длинный скрипящий звук доносится вдруг из тумана. Все, даже Виктор, вздрагивают.

— Что это? — одними губами произносит побелевший Антон.

Виктор молча мотает головой. Он все еще прислушивается, но вокруг снова стоит ватная тишина.

— А может быть, это все-таки правда, что здесь… живут? — говорит Профессор.

— Кто? — презрительно говорит Виктор.

— Не знаю… Но есть легенда, будто какие-то люди остались в Зоне…

— Болтовня это, а не легенда, — обрывает его Виктор. — Никого здесь нет и быть не может.

Зона это, понятно? Зона!

На протяжении этого разговора Антон вертит головой, переводя взгляд с одного на другого. Он все еще бледен, но постепенно успокаивается.

— Я, конечно, понимаю, — говорит он, — что Зона — это именно Зона, а не лоно, не два газона и не три, скажем… э… бизона. Но на всякий случай я с собой кое-что прихватил. — Он похлопывает себя по заднему карману.

— Что прихватил? — Виктор уставился на Антона неподвижным взглядом. — Что ты там еще прихватил, голова два уха?

Антон продолжает многозначительно похлопывать себя по заду.

— Дай сюда, — говорит Виктор и протягивает руку.

— Зачем?

— Дай сюда, говорю!

Антон колеблется. Выражение многозначительного превосходства сходит с его лица. Он растерянно глядит на Профессора.

— В Зоне стрелять не в кого, дурак, — говорит Виктор. — Давай свою пушку.

— Не дам, — решительно говорит Антон, но сейчас же добавляет тоном ниже: — Мне нужно, понимаете, шеф?

— Понимаю, — говорит Виктор неожиданно мягко. — Только на самом деле ничего такого тебе там не понадобится. Если долбанет тебя по-настоящему, то ничего тебе уже не поможет. А если прикуют тебя или, скажем, прижмет, то я тебя вытащу. Мертвого — да, брошу. Ну, а живого — вытащу. Это я тебе обещаю. Зря денег не беру. Давай.

Антон нехотя вытаскивает из заднего кармана и протягивает ему крошечный дамский браунинг.

— Там всего один заряд, — бормочет он. — В стволе.

— Поня-атно… — Виктор выщелкивает патрон и небрежно бросает оружие на шпалы. — В Зоне стрелять нельзя, — говорит он поучительно. — В Зоне не то что стрелять — камень бросить иной раз опасно. А у тебя? — обращается он к Профессору.

— У меня на этот случай ампула… — говорит он виновато.

— Чего-чего?

— Ампула зашита. Яд.

Виктор ошеломленно крутит головой.

— Н-ну, ребята!.. Нет, этого я не понимаю. Вы что сюда — помирать пришли? — По-прежнему

крутя головой, он соскакивает на шпалы. — Облегчиться никто не хочет? Смотрите, потом, может, и некогда будет… Или негде…

Он отходит от дрезины и сейчас же скрывается в тумане. Профессор смотрит на Антона, высоко задирая брови.

— А действительно, Антон, зачем вы сюда пришли? Модный писатель, вилла… женщины, наверное, на шею гроздьями вешаются…

— Этого вам не понять, Профессор, — рассеянно отзывается Антон, подбрасывая на ладони складной стаканчик. — Есть у писателей такое понятие: вдохновение. Так вот у меня это понятие есть, а самого вдохновения нет. Иду выпрашивать.

— То есть вы что же — исписались? — негромко говорит Профессор.

— Что? А, да. То есть у меня его никогда не было. Это неинтересно. А вы?

Профессор не успевает ответить. Появляется Виктор, на ходу оправляя комбинезон.

— Ч-черт, сбруя проклятая… — Он задирает голову. — Ага, вот скоро и пойдем. Укладывайтесь…

Тумана больше нет.

Слева от насыпи расстилается до самого гори-

зонта холмистая равнина, совершенно безжизненная, погруженная в зеленоватые сумерки. А над горизонтом, расплываясь в ясном небе, разгорается жуткое, спектрально чистое зеленое зарево — неземная, нечеловеческая заря Зоны. И вот уже тяжело вываливается из-за черной гряды холмов разорванное на несколько неровных кусков раздутое зеленое солнце.

— Вот за этим я тоже сюда пришел… — сипло произносит Антон.

Лицо его зеленоватое, как и у Профессора. Профессор молчит.

— Не туда смотрите, — раздается голос Виктора. — Вы сюда смотрите.

Антон и Профессор оборачиваются.

Справа от насыпи тоже тянется холмистая равнина, но вдали виднеются какие-то строения, торчит церквушка, среди холмов видна дорога. Насыпь здесь изгибается широкой дугой, и от последнего вагона, где стоят наши герои, хорошо видна голова состава. Этим составом доставлена была сюда когда-то танковая часть. Но что-то случилось там впереди: тепловоз и первые две платформы валяются под откосом; несколько следующих стоят на рельсах наперекосяк — танки с них сползли и валяются на боку и вверх

гусеницами на насыпи и под насыпью. Десяток-другой машин удалось, видимо, благополучно спустить под насыпь; видимо, их даже пытались вывести на дорогу, но до дороги они так и не дошли — остались стоять между дорогой и насыпью небольшими группами, пушками в разные стороны, некоторые почему-то без гусениц, некоторые вросшие в землю по самую башню, некоторые наглухо закупоренные, а некоторые — с настежь распахнутыми люками. Это было похоже на поле танковой битвы, но там были не сгоревшие остовы, не искореженные взрывами металлические коробки — машины были целы, если не считать сорванных гусениц у некоторых. Целы и безнадежно мертвы.

— А где же… люди? — тихо спрашивает Антон. — Там же люди были.

— Это я тоже каждый раз здесь думаю, — понизив голос, отзывается Виктор. — Я ведь видел, как они грузились у нас на станции. Я тогда еще мальчишкой был. Тогда все еще думали, что пришельцы нас завоевать хотят. Вот и двинули этих… стратеги… — Он сплевывает. — Никто ведь не вернулся. Ни одна душа. Углубились. Ну, ладно. Значит, общее направление у нас будет вон на ту церквушку… — Он протягивает руку,

указывая. — Но вы на нее не глядите. Вы под ноги глядите. Я вам уже говорил и скажу еще раз. Оба вы дерьмо, новички. Без меня вы ничего не стоите, пропадете, как котята. Поэтому я пойду сзади. Идти будем гуськом. Путь прокладывать будете по очереди. Первым пойдет Профессор. Я указываю направление — не отклоняться, вам же будет хуже. Берите рюкзаки.

Когда они разобрали и подняли на плечи рюкзаки, Виктор снял дрезину с тормоза и, навалившись, сдвинул ее с места. Дрезина сначала медленно, потом все набирая скорость, постукивая все чаще на стыках, катится обратно. Все провожают ее взглядом.

— Пошла старуха, — с какой-то нежностью произносит Виктор. — Даст бог, еще послужит… Так, Профессор, первое направление — вон тот белый камень. Видишь? Пошел.

Профессор первым начинает спускаться с насыпи. Отпустив его на пяток шагов, Виктор командует:

— Как тебя… Антон! Пошел следом!

И, подождав немного, начинает спускаться сам.

Зеленое утро Зоны закончилось, растворилось в обычном солнечном свете.

Они уже довольно далеко отошли от насыпи и медленно, гуськом поднимаются по склону пологого холма. Насыпь отсюда видна как на ладони. Что-то странное происходит там, над поверженными танками, над разбитыми платформами, над опрокинутым тепловозом: словно бы струи раскаленного воздуха поднимаются над этим местом, и в них время от времени вспыхивает и переливается яркая клочковатая радуга.

Но они не смотрят туда. Профессор идет впереди и перед каждым шагом настороженно высматривает место, куда поставить ногу. Антона мучает плохо уложенный рюкзак, но и он не вертит головой, хотя смотрит не столько под ноги себе, сколько под ноги Профессору. Дистанцию он соблюдает плохо, но Виктор пока молчит. Взгляд его с привычной автоматической быстротой скользит от собственных ног к затылку Антона и затылку Профессора, вправо от Профессора, влево от Профессора и снова к себе под ноги.

Профессор добирается до вершины холма, и Виктор сейчас же командует:

— Стой!

Профессор замирает на месте и осторожно приставляет поднятую было для следующего шага ногу. Они сбиваются в кучку, смотрят вниз.

Ниже по склону, метрах в тридцати—сорока лежит обширная проплешина, начисто лишенная растительности, гладкая и даже отсвечивающая на солнце, как мутное стекло. Посередине ее красуется что-то вроде большой металлической лепешки, в которой только по вдавленным в проплешину лопастям можно узнать остатки вертолета.

— Господи, — произносит Антон, вытирая со лба пот. — Что это с ним?

— Гравиконцентрат, — объясняет Профессор.

— Как вы сказали?

— Заткнитесь, — говорит Виктор.

Прищуренными глазами он внимательно разглядывает проплешину и ее окрестности. Он колеблется. Потом решительным движением запускает руку в набедренный карман и извлекает несколько гаек.

— Это область повышенной гравитации, — вполголоса втолковывает Профессор Антону. — В этом месте сила тяжести в тысячи раз выше обычной…

Антон пораженно цокает языком, но, судя по всему, не очень хорошо понимает, о чем идет речь.

Виктор, нешироко размахнувшись, бросает

гайку. Описав высокую дугу, она падает в десятке метров впереди.

— Идите за мной, — произносит Виктор. — Шаг в шаг.

Остановившись на месте падения гайки, он бросает вторую, целясь правее края проплешины. Несколько первых метров гайка летит по обычной дуге, а потом словно кто-то невидимый срывает ее с траектории, и она вкось, со страшной скоростью уходит влево по прямой и врезается в почву в метре от края проплешины.

— Ага! — удовлетворенно говорит Виктор. — Расползлась жаба.

И он бросает следующую гайку еще правее от проплешины. На этот раз гайка летит, как ей положено, и падает в тридцати шагах впереди.

— За мной, — командует Виктор. — Шаг в шаг.

Они переходят на место падения третьей гайки, причем Антон следует за Профессором в ногу, прижимаясь грудью к его рюкзаку и опасливо косясь влево, на страшную проплешину.

Виктор кидает следующую гайку, забирая еще правее.

Проплешина осталась позади и выше.

— Теперь впереди Антон, — распоряжается Виктор. — Вон тот кустик видишь?

Профессор трогает его за рукав.

— Простите, Виктор. Могу я вас попросить…

— Ну?

— Разоритесь на одну гайку. Бросьте в самый центр.

— Зачем это тебе? — осведомляется Виктор подозрительно.

— Просто я хочу посмотреть. Никогда этого не видел. Только в кино.

— Хм… Что ж… Так ведь она до центра и не долетит, наверное…

— А вы киньте повыше.

Виктор выбирает гайку покрупнее и, размахнувшись, изо всех сил швыряет ее вверх в сторону проплешины. Им удается проследить полет гайки только до верхней точки траектории. Потом она исчезает, в то же мгновение раздается громовой удар, и они хватаются друг за друга, потому что земля сильно вздрагивает под ногами, а по проплешине и раздавленному вертолету словно бы проходит какая-то рябь. Некоторое время все трое молчат. Затем Виктор произносит с досадой:

— Черт бы тебя драл с твоими опытами… Что тут тебе — институт, что ли, в самом деле? И я тоже, дурак битый, за тобой… Эй, как тебя… Антон! Направление на тот кустик — марш!

…Ведет Антон. Профессор, идеально выдерживая дистанцию и глядя себе под ноги, идет за ним. Виктор, ни на секунду не переставая смотреть по сторонам и под ноги, говорит в спину Профессору:

— У нас эту штуку называют «комариная плешь», а у вас как-то по-другому?

— Гравиконцентрат.

— И что это, по-вашему, такое, по-научному?

— Участок повышенной…

— Да нет. Не о том речь. Откуда это взялось? Как она работает?

— Этого никто не знает, — говорит Профессор.

— Вот и у нас никто не знает… А сколько народу на этих плешаках приковалось! Особенно в первое время. Каждый дурак думал: обойду, дескать, ее стороночкой, а его как швырнет на бок, и либо сразу расплющит, либо еще хуже, так и подыхает с голоду прикованный… — Совершенно механически он вытягивает в сторону левую руку и вдруг кричит:

— Стой!

Профессор послушно замирает, а Антон делает еще пару шагов и оборачивается, очень недовольный. Виктор стоит неподвижно, полузакрыв глаза, и шевелит пальцами вытянутой руки,

словно что-то ощупывая в воздухе.

— Ну, что там еще, шеф? — брезгливо осведомляется Антон.

Виктор осторожно опускает руку и бочком-бочком придвигается ближе к Профессору. Лицо его напряженное и недоумевающее.

— Не шевелитесь… — хрипло говорит он. — Стоять на месте, не двигаться…

Антон испуганно озирается, втянув голову в плечи.

— Не шевелись, дурак! — севшим голосом шипит Виктор.

Они стоят неподвижно, как статуи, а вокруг — мирная зеленая травка, кусты тихонько колышутся под ветерком, и над всем этим яркое ласковое солнце. Потом Виктор вдруг говорит на выдохе:

— Обошлось… Пошли. Нет, погоди, перекурим.

Он присаживается на корточки и тянет из кармана пачку с сигаретами. Губами вытягивает сигарету и протягивает пачку Профессору, который присаживается рядом. Антон спрашивает с раздражением:

— Ну хоть подойти-то к вам можно?

— Можно, — отзывается Виктор, затягиваясь. — Подойти можно. Подойди. — Голос его

крепнет. — Я тебе что говорил? (Антон останавливается на полпути.) Я тебе что говорил, дура? Я тебе говорю «стой», а ты прешься, я тебе говорю «не шевелись», а ты башкой вертишь… Нет, не дойдет он, — сообщает Виктор Профессору.

— У меня реакция плохая, — жалобно говорит Антон. — С детства. Дайте сигаретку, что ли…

— А реакция плохая — сидел бы дома, — говорит Виктор и протягивает ему пачку.

Они прежним осторожным аллюром движутся вдоль поваленной изгороди: Профессор — Антон — Виктор. Солнце уже поднялось высоко, на небе ни облачка, припекает. Слева — изгородь, справа — канава, наполненная черной стоячей водой. Очень тихо: не слышно ни птиц, ни насекомых. Только шуршит трава под ногами.

Антон приостанавливается, вытирает со лба пот, подбрасывает спиной рюкзак, прилаживая поудобнее, и засовывает большие пальцы за лямки. Через несколько шагов он начинает насвистывать, еще через несколько шагов наклоняется, подбирает прутик и идет дальше, похлопывая себя прутиком по ноге.

Виктор тяжелым взглядом наблюдает за его действиями. И когда Антон принимается своим прутиком сшибать пожухлые цветочки справа

и слева от себя, Виктор достает из кармана гайку и очень точно запускает ее прямо в затылок модному писателю. Веселый свист обрывается тоненьким взвизгом, Антон хватается за голову и приседает на корточки, согнувшись в три погибели. Виктор останавливается над ним.

— Вот так вот оно и бывает, — говорит он. — Только вот взвизгнуть ты на самом деле не успеешь… В штаны не наложил?

Антон медленно распрямляется.

— Что это было? — с ужасом спрашивает он, ощупывая затылок.

— Это я тебе хотел показать, как бывает, — объясняет Виктор. — Неужели и тут не понял? Ну что, по морде тебе дать? Самоубийца…

— Не надо, — отвечает Антон, облизывая губы. — Понял.

Они бредут через свалку, по слежавшимся грудам мусора, мимо облупленных и ржавых ванн, расколотых унитазов, мимо покореженных автомобильных кузовов… блестит битое стекло, валяется мятый электрический самовар, кукла с оторванными ногами, рваное тряпье, россыпи ржавых консервных банок…

Впереди опять идет Антон, лицо у него злое и напряженное, губы кривятся. Он шепчет сквозь

зубы:

— Опять дерьмо… и опять дерьмо… и всюду дерьмо… и даже здесь дерьмо… дерьмо, и только дерьмо, и ничего, кроме дерьма, и да поможет мне бог! Аминь.

Посвистывает ветер, катит мятую бумагу, вздымает клубочки пыли. На небе появились облака, они временами закрывают солнце.

Идет Профессор, сосредоточенно глядя себе под ноги. Лицо у него спокойное и даже какое-то умиротворенное. Он меланхолически декламирует вполголоса:

— Кто знает, что ждет нас? Кто знает, что будет? И сильный будет, и подлый будет. И смерть придет и на смерть осудит. Не надо в грядущее взор погружать… Не надо в грядущее взор погружать.

Идет Виктор. Он ничего не шепчет. Он работает: взгляд прямо, взгляд вправо, взгляд влево, взгляд вниз… Время от времени он поднимает над головой руку и снова шевелит пальцами, словно бы что-то ощупывая в воздухе. Очень не нравится ему эта свалка.

И вот в равномерный шум ветра вмешивается новый, посторонний звук. Какое-то тиканье. Стрекотание какое-то. Виктор останавливается и наклоняет голову, прислушиваясь. Стрекотание

постепенно усиливается, словно приближается.

— Стой! — командует Виктор.

Все замирают на месте. И вдруг слева, над кучками мусора возникает из ничего темный полупрозрачный вертящийся столб. Он похож на маленький смерч, но это не смерч. Он похож на «пылевого чертика», но это и не «чертик». Он неподвижно стоит, крутясь вокруг оси, над кучей битых бутылок, и от него исходит шуршащее металлическое стрекотание, как будто стрекочет гигантский кузнечик. Виктор, не шевелясь, только скосив глаза, наблюдает за ним. Призрачный столб вдруг сдвигается с места и, описывая замысловатую кривую, скатывается с кучи мусора и проходит между Антоном и Профессором.

— Стоять! Стоять! Не шевелиться! — хриплым шепотом кричит Виктор.

Крутящийся столбик на мгновение задерживается возле Профессора и легко уходит вправо в заросли пыльных лопухов, тая, рассеиваясь, распадаясь на ходу. Стрекотанье, достигнув нестерпимо высокой ноты, обрывается.

Все стоят неподвижно. А вокруг снова тишина, только посвистывает ветер и шуршит мятая грязная газета, обмотавшаяся вокруг ноги Профессора.

— Вперед, — говорит Виктор и прокашливается.

Но двое впереди не двигаются.

— Погодите, шеф, — говорит Антон. — Ноги что-то шалят…

— Что это было? — спрашивает Профессор, не оборачиваясь.

Антон нервно хихикает, а Виктор говорит:

— Не знаю я… Было и прошло, и слава богу. Вперед, вперед! Скоро привал! — И шипит, озираясь: — Экое дрянное место!

Они расположились в тени церквушки на окраине поселка. Виктор разливает в протянутые стаканчики спиртное. Все выпивают и принимаются за еду.

— Как у вас аппетит, Профессор? — спрашивает Антон, с отвращением откусывая от крутого яйца.

— Признаться, тоже неважно, — отзывается тот.

— Пива бы сейчас, — вздыхает Антон. — Холодненького! В глотке пересохло.

Виктор сейчас же разливает еще по стопке. Он единственный из троих, кто ест и пьет с аппетитом. Профессор осторожно спрашивает его:

— Далеко нам еще?

Виктор долго молчит, а потом угрюмо отвечает:

— Не знаю.

— А по карте?

— А что по карте? Масштаба там нет. Стервятник обернулся за двое суток, так то Стервятник…

— Кто это такой — Стервятник? — спрашивает Антон.

Виктор усмехается, неторопливо закуривает.

— Стервятник — это, брат, не нам чета. Последний из стариков. С первых же дней начал, меня водил, когда я подрос. Большой был человек. Ас.

— А почему — был? — спрашивает Антон.

Виктор продолжает, как бы не слыша вопроса.

— И большая была сволочь. Сколько он новичков загубил! Уходили вдвоем-втроем, а возвращался один. Вот вам бы с ним сходить… — Он неприятно смеется, переводя взгляд с Профессора на Антона и обратно. — А впрочем, досюда вы бы и с ним дошли. Ладно! — обрывает он себя. — Вы как хотите, а я прикорну. Да не галдите здесь. И из тени не выходите.

Виктор спит, положив голову на рюкзак, а Профессор с Антоном, прислонившись спинами к кирпичной стене церкви, курят и беседуют.

— А что с ним все-таки случилось, с этим Стер-

вятником? — спрашивает Антон.

— Он был единственным человеком, который добрался до Золотого Круга и вернулся, — отзывается Профессор. — Легенда существует много лет, но Стервятник первый подтвердил эту легенду. Вернувшись, он в два дня невероятно, невообразимо разбогател… — Профессор замолкает.

— Ну?

— А потом вдруг повесился.

— Почему?

Профессор пожимает плечами.

— Это какая-то темная история. Он собирался снова идти к Золотому Кругу, вдвоем с нашим Виктором. Виктор пришел к нему в назначенное время, а тот висит, и на столе карта и записка с пожеланием всяческих успехов.

Антон с сомнением смотрит в сторону похрапывающего Виктора.

— А может быть, наш шеф его… того?

— Все может быть, — легко соглашается Профессор.

Некоторое время они молча курят.

— А как вы полагаете, Профессор, этот самый Золотой Круг — действительно Машина Желаний?

— Стервятник разбогател. Он всю жизнь мечтал быть богатым.

— И повесился…

— И повесился. Тут нет никакого противоречия. Просто на самом деле человек никогда не знает, чего он хочет. Человек — существо сложное. Голова его хочет одного, спинной мозг — другого, а душа — третьего… И ни один человек не способен в этой каше разобраться.

— Это верно, — говорит Антон. — Это очень верно вы говорите. Давеча вот я сказал вам, что иду сюда за вдохновением… Вранье это. Плевал я на вдохновенье…

Профессор с любопытством смотрит на него. Антон, помолчав, продолжает:

— Нет, это не объяснить. Может быть, и в самом деле за вдохновеньем. Откуда я знаю, как назвать то, чего я хочу? И откуда мне знать, что я действительно не хочу того, чего я не хочу? Это какие-то чертовски неуловимые вещи: стоит их назвать, и они пропадают… Как тропическая медуза — видели? В воде волшебный цветок, а вытащишь — комок мерзкой слизи… А вы тоже не знаете?

— Не знаю. Знаю только, что надо многое менять, что так дальше продолжаться не может… Нет, не знаю. Иду за знанием.

— Во многие знания — многие печали… — бормочет Антон.

— Тоже верно, — со вздохом говорит Профессор. — Давайте считать, что я иду ставить эксперимент — чисто, точно, однозначно… Просто научный эксперимент, связанный с неким фактом. Понимаете?

— Нет, — говорит Антон. — По-моему, фактов не бывает. Особенно здесь, в Зоне. Здесь все както выдуманно. Чья-то бесовская выдумка… Нам всем морочат голову. Кто — непонятно. Зачем — непонятно…

— Вот и хотелось бы узнать: кто и зачем.

— А кому это надо? Надо ведь совсем другое. Что толку, если вы и узнаете? Чья совесть от этого станет чище? Чья совесть от этого заболит? Чья душа найдет покой от этого?

Антон безнадежно машет рукой и отбрасывает окурок. Потом он смотрит на сладко похрапывающего Виктора.

— А он зачем идет? Какие у него такие желания, что он не может их исполнить там, дома?

— Не знаю, — медленно говорит Профессор. — Но ему очень надо добраться до Золотого Круга. Я давно его знаю, это интересный человек, необычный человек…

— Не знаю, что в нем такого необычного, — возражает Антон, — но человек он надежный,

положиться на него можно. Он нас доведет, такое у меня впечатление…

Профессор искоса смотрит на него, лицо у него такое, словно он хочет что-то сказать, но раздумывает: стоит ли. Затем он аккуратно гасит окурок и устраивается прилечь.

— С добычей вернулся — счастье, — говорит он вдруг. — Живой вернулся — удача. Патрульная пуля — везенье, а все остальное — судьба.

— Это еще что за унылая мудрость? — озадаченно спрашивает Антон.

— Фольклор.

— А что из этого фольклора следует?

— По-моему, — отвечает Профессор, — вы все время забываете, друг Антон, что мы находимся в Зоне. В Зоне ни на кого нельзя полагаться.

Антон нервно зевает и озирается.

— Позвольте! — восклицает вдруг он. — Что за притча? Солнце — вон оно, а тень…

— Что? — откликается Профессор. — А… Да. С тенями здесь тоже бывает… Давайте-ка поспим немного.

Профессор и Антон спят под стеной церквушки. Виктор открывает глаза. Некоторое время лежит, прислушиваясь. Затем быстро и бесшумно поднимается, мягко ступая, выходит из тени и

выглядывает из-за угла церкви. Шагах в ста перед ним начинается главная улица мертвого поселка, совершенно пустая, залитая веселым ярким солнечным светом. Потом он так же бесшумно возвращается и останавливается над спящими. Какое-то время он внимательно разглядывает их по очереди. Лицо у него сосредоточенное, глаза прищурены, взгляд оценивающий. Наконец, покусав нижнюю губу, он негромко командует:

— Подъем!

Они вступили на гладкую улицу поселка. Ведет Антон. Дома по сторонам улицы наполовину обвалились, заросли колючкой, зияют выбитыми окнами. Уцелевшие стены покрыты пятнами и потеками. Но попадаются и абсолютно целые, новенькие с иголочки дома. Они кажутся только что построенными, чистенькими, с промытыми окнами, словно в них никогда никто еще не жил. Словно они только еще ожидают жильцов. Вот только с телевизионными и радиоантеннами на этих домах не все ладно. Они обросли как бы рыжеватым растрепанным мочалом, свисающим иногда до самой земли. Налетающие порывы ветра раскачивают эти странные лохмотья, и тогда слышится тихое электрическое потрескивание.

Улица круто поворачивает, и Антон вдруг оста-

навливается, поворачивается к своим спутникам и растерянно произносит:

— Там машина какая-то… И двигатель у нее работает…

— Не обращай внимания, — говорит Виктор. — Он уже двадцать лет работает. Лучше под ноги гляди и держись середины…

Действительно, слышен звук работающего двигателя, и они проходят мимо стоящего у обочины совершенно новенького, как с конвейера, грузовика. Двигатель его работает на холостых оборотах, из глушителя вырывается и стелется по ветру синеватый дымок. Но колеса его по ступицы погружены в землю, сквозь приоткрытую дверцу и дно кабины проросла тоненькая березка. Они стоят посредине улицы перед новым препятствием. Когда-то, вероятно, в самый день Посещения, огромный грузовоз тащил по этой улице на специальном прицепе длинную, метрового диаметра трубу для газопровода. Грузовоз врезался в двухэтажный дом слева и обрушил его на себя, превратив в груду кирпичей. Труба скатилась с прицепа и легла слегка наискосок, перегородив улицу. Вероятно, тогда же сорвались и упали поперек улицы телеграфные и телефонные провода. Теперь они совершенно обросли

рыжим мочалом. Мочало висит сплошным занавесом, перегородив проход. Пройти можно только сквозь трубу. Жерло трубы черное, закопченное какое-то, и дом справа, на который оно открыто, весь обуглен, словно он горел пожаром, и не один раз.

— Это что — сюда лезть? — спрашивает Антон, ни к кому не обращаясь.

Труба длинная, двенадцатиметровая, и дальний конец ее еле просматривается сквозь заросли мочала.

— Прикажу, и полезешь, — холодно говорит Виктор. — А ну, принеси несколько кирпичей, — приказывает он Профессору.

Профессор переходит улицу, набирает в охапку пяток кирпичей из разрушенного дома и молча складывает их у ног Виктора.

— Ну-ка, отойдите. — Виктор берет кирпич и, далеко отведя руку, швыряет его в жерло трубы, а сам отскакивает.

Слышно, как кирпич грохочет и лязгает внутри трубы. Подождав немного, Виктор швыряет второй кирпич. Грохот, дребезг, лязг. Тишина.

— Так, — произносит Виктор и медленными движениями отряхивает ладони.

— Можно. — Он поворачивается к Антону. —

Пошел.

Антон пытается улыбнуться, но у него только дергаются губы. Он хочет что-то сказать, но только судорожно вздыхает. Он достает из-за пазухи плоскую фляжку, торопливо отвинчивает колпачок, делает несколько глотков и отдает фляжку Профессору. Лицо у Профессора каменное. Антон вытирает рукавом губы и стаскивает рюкзак. Глаза его не отрываются от лица Виктора. Он словно ждет чего-то. Но ждать нечего.

— Ну? Все остальное — судьба? — произносит он, и ему наконец удается улыбнуться

Он делает шаг к трубе, и тут Виктор берет его за плечо.

— Погоди, — говорит он. — Дай-ка еще разок на всякий случай.

Он стаскивает рюкзак, берет в руки сразу три кирпича и с натугой швыряет их в жерло. Грохот, лязг… и вдруг что-то глухо бухает в глубине трубы. Со свистящим воем из жерла вырывается длинный язык коптящего пламени и ударяет в многострадальный обуглившийся дом. Дом снова загорается.

— За мной! Быстро! — дико ревет Виктор и, схватив рюкзак, ныряет в еще дымящееся жерло.

Они стоят у противоположного конца трубы,

закопченные, рваные, взлохмаченные. Рюкзаки валяются под ногами. Профессор тщательно протирает очки. Антон осторожно дует на обожженные ладони. Виктор, быстро стреляя по сторонам прищуренными глазами, сосет окровавленный палец, торчащий из дыры в перчатке. Правый рукав комбинезона у него начисто сгорел, тускло отсвечивает серебристый материал панциря…

— Ладно, — хрипло говорит он. — Одной жабой меньше…

И снова они идут посередине улицы. Ведет Профессор. Небо совсем закрылось облаками, тяжелыми, низкими, медлительными. Здесь по сторонам улицы почти не осталось целых домов, а мостовая покрыта обширными цветными пятнами неправильной формы, которые они осторожно обходят.

Они идут мимо бывшего дома, от которого остался только нижний этаж, а стен нет вовсе. По-видимому, здесь было какое-то учреждение: желтеют деревом шкафы, набитые папками, стоят канцелярские столы, а на столах — гроссбухи, счетные машины, на одном — пишущая машинка с заправленным листом бумаги. Вся эта обстановка выглядит так, как будто служащие

несколько минут назад вышли на обеденный перерыв и скоро вернутся.

Они уже почти миновали этот странный дом, как вдруг совершенно невероятный здесь, абсолютно невозможный здесь звук заставляет их остановиться и замереть в неподвижности.

Звонит телефон.

Медленно, со страхом, не доверяя собственным ушам, они оборачиваются. Телефон звонит — резкими, пронзительными звонками неравной длины. Он стоит возле пишущей машинки — маленький невзрачный аппарат серого цвета.

Это первый случай за весь поход, когда старый профессионал Виктор явно и бесстыдно растерялся. Он совершенно не понимал, что происходит и как следует поступать.

И тут Профессор вдруг, не говоря ни слова, широко шагая, устремляется к дому. Он взбегает по ступенькам крыльца, проходит между столами и берет трубку.

— Алло! — говорит он.

Квакающий голос в трубке раздраженно осведомляется:

— Это два — двадцать три — тридцать четыре — двенадцать? Как работает телефон?

— Представления не имею, — отзывается Про-

фессор.

— Благодарю вас. Проверка.

В трубке короткие гудки отбоя. Профессор пальцем нажимает на рычажок и оглядывается на Виктора. Тот озадаченно чешет за ухом. Тогда Профессор поворачивается к ним спиной и быстро набирает номер. Через некоторое время в трубке звучит женский голос:

— Да-да, я слушаю…

— Здравствуй, Лола, — говорит Профессор. — Это я.

— Филипп, боже мой! Куда ты запропастился? Нет, в конце концов у меня когда-нибудь лопнет терпение! Вчера я вынуждена была идти одна, меня все спрашивают, а я как дура не могу ответить на простейшие вопросы, и эта шлюха смеется мне прямо в лицо, как гиена… и мне нечего ей сказать! Все эти старухи торчат около меня весь вечер, изображают сострадание… Ты будешь когда-нибудь обдумывать свои поступки? Я не говорю уже о себе, я прекрасно понимаю, что тебе на меня наплевать, но надо же все-таки немножко думать, как это выглядит со стороны…

Пока она говорит, плечи у Профессора ссутуливаются, и на эти сутулые плечи, на шкафы, на мостовую, на все вокруг начинает падать снег.

Профессор медленно отнимает трубку от уха и кладет ее на рычажки. Затем он поворачивается. Лицо у него обычное.

— Может быть, еще кто-нибудь хочет позвонить? — спрашивает он.

Его спутники молчат.

Они уже почти достигли окраины поселка. Снег прекратился, на мостовой лужи, снова проглядывает солнце. Здесь, на окраине, почти все дома целы, и даже нет зловещего мочала на антеннах и карнизах.

— Стой! — командует вдруг Виктор. — Переждать придется, сучье вымя, в самую точку угодили, как назло… Снимай рюкзаки. Перекур.

Он смотрит на часы, смотрит на солнце. Он очень недоволен. Антон и Профессор недоуменно переглядываются, снимая рюкзаки, а между тем впереди, закрывая крайние дома поселка, возникает поперек улицы туманная дымка.

— А в чем, собственно, дело? — осведомляется Антон.

— Садись, кино будем смотреть, — отзывается Виктор, садится на рюкзак и достает сигареты.

Туман впереди еще сгущается, и вдруг перед ними возникает, закрыв весь горизонт, необычайно яркая по краскам и глубине панорама.

Целый мир раскинулся перед ними, странный полузнакомый мир. У самых ног их — спокойная поверхность то ли озера, то ли пруда. На пологом берегу, на мягкой траве сидит, поджав под себя ноги, молодая женщина, голова ее опущена, длинные волосы, почти касающиеся воды, скрывают ее лицо. За ее спиной — зеленые округлые холмы под необычайно ярким лазоревым небом, вдали виднеется темно-зеленая стена леса. На верхушке ближайшего холма врыт покосившийся столб с бычьим черепом, надетым на верхушку. Под столбом сидит, вытянув по траве ноги в лаптях, седой как лунь, старец, лицо у него почти черное, как старый мореный дуб, глаза под белыми пушистыми бровями слепые, корявые руки покойно сложены на коленях. А пониже старца сидит на камушке полуголый кудрявый мальчик и наигрывает на свирели. Видно, как надуваются и опадают его румяные щеки, как пальцы ловко бегают по отверстиям в дудочке, но ни одного звука не доносится из этого мира. У ног мальчика коричневым бугром дремлет огромный медведь, и еще один лениво вылизывает переднюю лапу, развалившись поодаль. Над тростником, окаймляющим часть пруда, трепещут синими крыльями стрекозы.

— Рерих, — спокойно произносит Профессор. — Рерих-старший. Очень красиво.

Виктор бросает на него короткий взгляд и поворачивает лицо к Антону. Тот, весь подавшись вперед, с полуоткрытым ртом, завороженно и не отрываясь впитывает в себя эту чудную картину. Потом он поворачивается к Виктору — глаза у него совсем безумные.

— Что это? — спрашивает он. — Где это?

Виктор сплевывает.

— А черт его знает, — говорит он. — То ли где-то, то ли когда-то.

— Вы видели это раньше?

— Вот это — нет. Да картинки все время разные…

— Значит, это картинка…

— Н-ну, можно сказать и картинка… — уклончиво отвечает Виктор.

Взгляд его становится настороженным: теперь он смотрит только на Антона. Тот бормочет, как в лихорадке:

— Как же так — картинка?.. Нет, врешь, врешь… Опять врешь… Это же покой, тишина… тишина…

И тут Профессор, жалостливо поморщась, подбирает с мостовой камушек…

— Стой! — яростно кричит Виктор.

Но уже поздно. Камушек, описав дугу, падает в воду в двух шагах от девушки. Всплеск. Девушка поднимает голову, отводит волосы с прекрасного лица. По гладкой воде расходятся круги. Девушка, слегка сведя брови, с некоторым удивлением, но без всякого страха разглядывает грязных, оборванных, закопченных людей и снова опускает голову. Мир «по ту сторону» начинает таять, заволакиваться дымкой и исчезает. Впереди снова пустая унылая улица с мертвыми домами.

Антон сидит на своем рюкзаке, бессильно уронив руки, и плачет. Виктор поворачивается к Профессору и, злобно гримасничая, стучит себе костяшками пальцев по лбу. Тот растерянно бормочет:

— Я думал, это мираж… Я был уверен…

— Уверен, уверен… — злобно повторяет Виктор. — Ты уверен, а он теперь — видишь? Что с ним теперь делать?

Оба они смотрят на Антона. Антон молча плачет. Виктор вдруг дико орет:

— Подъем!

Профессор вздрагивает и хватается за рюкзак, а Антон медленно поднимает залитое слезами лицо к Виктору и говорит с отчаянием:

— Сволочь ты, не пустил меня туда… Чтоб ты

сдох, гадина, чтоб ты сгнил…

Виктор, тяжело вздохнув, с размаху бьет его по лицу. Антон кубарем летит с рюкзака, но сейчас же поднимается. У него кровь на лице, но он смотрит на Виктора по-прежнему с ненавистью.

— Бери рюкзак! — рычит Виктор. — Вперед!

— Не пойду.

Виктор бьет его в живот, по голове сверху, хватает за волосы, распрямляет и хлещет по щекам.

— Пойдешь, пойдешь!.. — цедит он сквозь зубы.

Профессор пытается схватить его за руку, Виктор, не глядя, бьет его локтем в нос, сшибает очки…

— Пойдешь, пойдешь… — бормочет он.

От последнего страшного удара Антон снова летит на землю и лежит, скорчившись. Виктор, тяжело дыша, глядит на него сверху вниз, потуже натягивает перчатки. Антон со стоном поднимается и садится, упираясь руками в мостовую.

— Ну, очухался? — неожиданно мягко говорит Виктор. — Вставай, пойдем, время идет…

Антон отрицательно мотает головой.

— Сгинешь здесь, дурачок, — мягко говорит Виктор.

— Это не твое дело, — отвечает Антон. Он вы-

тирает лицо, смотрит на ладонь. — Я тебе больше не верю, шеф, — спокойно говорит он. — Уходи с богом. Профессор, вы ему не верьте. Он знаете зачем нас с собой взял?

— Догадываюсь, — говорит Профессор. Он нервно курит, руки его дрожат. Одного стекла в его очках нет.

— Он нас взял, чтобы мы для него ходили через огонь, — говорит Антон.

— Мы для него отмычки, живые тральщики. Ты зачем нас взял, шеф, а? Польстился на наши две сотни, уважаемый проводник? А?

Виктор присаживается напротив него, закуривает.

— Слушай, ты, — говорит он. — Это Зона. Здесь всегда так было и всегда так будет. Ты пойми: если ты со мной пойдешь, то, может быть, и вернешься живой. А если останешься, то верная смерть. Ты что же, надеешься этого своего покоя дождаться? Не дождешься. Он, может быть, в следующий раз только через сто лет снова появится…

— Не твое дело, — говорит Антон. — Дождусь.

— А может, и никогда не появится. А со мной пойдешь, будет тебе Золотой Круг, проси все, что хочешь… Покой хочешь? Тишину? На тебе тишину, на тебе покой…

Антон сплевывает тягучую слюну.

— Золотой Круг, говоришь? — медленно произносит он. — А почему это Стервятник повесился, а, шеф?

— Стервятник-то здесь при чем? Ты ж не Стервятник!

— Нет, ты нам скажи: почему Стервятник повесился?

— Потому что сволочь он был, — резко говорит Виктор. — Убийца, дрянь! Потому что он не за богатством к Золотому Кругу пошел, он за братом своим пошел, а его жадность одолела…

— Ну?

— Что — ну? Он брата своего загубил единственного, мальчишку! Повел его в Зону и подставил где-то… Ушел вдвоем, вернулся один. Его совесть замучила. Он потом себя совсем потерял. Вот и пошел за братом, брата пошел вернуть, а когда дошел, натура его поганая свое взяла… Ведь Золотой Круг только одно желание выполняет. Дошел до него — получай награду, но только одну. Еще чего-нибудь хочешь — снова иди… Он же дрянь был, понимаешь? Дрянь!

— Понима-аю, — говорит Антон, нехорошо улыбаясь. — Это я все понимаю. Тут и понимать нечего. А ты мне скажи, почему он повесился?

Почему он снова к Золотому Кругу не пошел? За братом. А?

— Этого я не знаю, — угрюмо говорит Виктор.

— А я знаю! — вкрадчиво произносит Антон. — И ты знаешь, только признаться себе боишься…

Он рывком поднимается и оттаскивает свой рюкзак к стене ближайшего дома.

— Уходите от меня к черту! — говорит он. — Я здесь остаюсь. Ждать буду. Сто лет ждать буду. Сдохну здесь, а к вам не вернусь. Ничего там у вас не осталось. Ни добра, ни любви, ни дружбы. Только подлость и гниль. Я думал — вдохновенье. Я думал — шедевры. Профессор! Ничего этого нет! Понимаете? Нет! Потому что писать — это мерзко. Я не могу больше. И не хочу. Это постыдное, гнусное занятие, все равно что чирьи выдавливать перед зеркалом! А они требуют: пиши, пиши еще, пиши! Ты обязан, ты должен… Хватит. Сами теперь пишите. Я покоя хочу. Мне больше ничего не надо. Покоя и свободы от сволочей! Уходите.

Виктор и Профессор, горбясь под тяжестью рюкзаков, медленно уходят вдоль улицы. Антон смотрит им вслед. А может быть, и не им вслед. Может быть, он ждет, что вот-вот снова появится мир покоя и тишины. И он видит, заранее напрягаясь, как улица заволакивается дымкой, и он

уже делает судорожный шаг вперед, но тут в дымке возникают очертания чего-то совсем другого: гигантские многоэтажные здания, отсвечивающие стеклом, потоки машин, толпы спешащих пешеходов, вспыхивающие рекламы… И, уже не дожидаясь, пока этот ненужный, ненавистный мир сформируется окончательно, Антон поворачивается к своему рюкзаку. И замирает, увидев то, чего не замечал раньше.

В десятке шагов у стены — груда каких-то лохмотьев, из-под которой виднеются белые кости и жутко усмехается белый череп, и рядом — полуистлевший ранец.

Тогда он торопливо расшнуровывает свой рюкзак и вытягивает из него бутылку.

Виктор и Профессор идут по проселочной дороге. Поселок давно остался позади. Дорога покрыта тончайшей пылью, при каждом шаге пыль взлетает и некоторое время висит в неподвижном воздухе. Очень жарко, впереди над дорогой ходят марева.

Справа вдоль дороги тянется ветхая полусгнившая изгородь, за изгородью — поле, заросшее сильно засоренной пшеницей.

Потом они видят пролом в изгороди. И рубчатые следы гусениц, протянувшиеся от пролома к

дороге и дальше по дороге вперед.

— Ага, — произносит Виктор. — Вот они, значит, где прошли.

— Кто? — спрашивает Профессор.

— Эти, ваши… Ну, экспедиция от вашего института… Ну, ты должен знать. Полгода назад они отправились и пропали…

Профессор останавливается.

— Милованович? — ошарашенно спрашивает он. — Группа Миловановича?

— Ну, это тебе виднее, чья это была группа, а я все думал: каким же путем они шли и где сгинули? Теперь понятно… Ну, досюда они во всяком случае дошли… Углубились. Ладно, посмотрим, где их пришлепнуло.

И они идут дальше по рубчатым следам гусениц.

Они стоят у развилки. Одна дорога идет вверх по склону пологого холма, а другая огибает этот холм слева и пропадает за ним. Рубчатые следы ушли по левой дороге.

— Вот досюда я в последний раз дошел, — с удовольствием говорит Виктор. — Стою, как дурак, и не понимаю, что дальше делать. У Стервятника на карте одна дорога, а здесь — две. Стою и не могу. Ни прямо не могу, ни влево. Ну, а раз не

могу, значит, нельзя. И повернул я оглобли.

— Милованович пошел влево, — нерешительно говорит Профессор.

— И сгинул! — подхватывает Виктор. — Значит, нам куда идти? Постой, впереди пойду я. Не нравится мне этот холмик, все равно не нравится…

С вершины холма хорошо видно место, дальше которого не смогла пройти экспедиция Миловановича. Это мост через глубокий овраг. Нижняя дорога ведет через этот мост и скрывается за купами деревьев на другой стороне оврага.

Профессор и Виктор смотрят туда, прикрывая глаза от солнца. На лице Профессора выражение ужаса и горестного изумления, а на лице Виктора — что-то вроде мрачного злорадства.

Группа Миловановича идет на трех гусеничных машинах. Передняя машина — обычный военный бронетранспортер, остальные две — вездеходы, оборудованные под походные лаборатории. Людей не видно, только из командирского люка передней машины торчит, высунувшись по пояс, сам Милованович — сухощавый пожилой человек в рубашке цвета хаки с засученными рукавами, черный, горбоносый, с толстыми усами, которые, как у гайдука, опускаются ниже подбородка.

Передняя машина подкатывает к мосту, Милованович оборачивается и, подняв руку, подает водителю следующей машины какой-то знак пальцами. Бронетранспортер вкатывается на мост, проходит его на малой скорости, выбирается на противоположный берег оврага, и сейчас же на мост выкатывается вторая машина, несущая над кузовом матово отсвечивающий белый купол в несколько метров поперечником, а за ней следует третья машина с огромным вращающимся локатором… Все три машины одна за другой бодро бегут по дороге и словно растворяются в воздухе вместе с поднятой ими пылью, а через мгновенье вновь одна за другой появляются на прежнем месте перед мостом. Горбоносый, черный, как ворон, Милованович оборачивается и, подняв руку, подает какой-то знак пальцами, машины, одна за другой, перекатываются через мост, исчезают, подобно призракам, и вновь появляются на прежнем месте перед мостом, и снова Милованович поднимает руку… и снова, и снова, и снова.

— В петлю, значит, угодили, — произносит Виктор. — На Красной Горке тоже такое местечко есть, Дикобраз туда вляпался, так уже десяток лет вот так крутится…

— Бедняга Милованович… — горестно бормочет Профессор. — Какой ученый был… какая судьба…

— Чего там судьба, — пренебрежительно возражает Виктор. — Зато они всех нас переживут… Мы подохнем, дети наши помрут, а они так и будут крутиться, и хоть бы хны… Они же там ничего не понимают и знать ничего не знают… знай себе прутся через мост, и каждый раз это им в новинку… Ну, нечего сопли распускать. Вперед!

Справа маслянисто-черное болото, слева маслянисто-черное болото. Они идут по полусгнившей хлюпающей гати. Над болотом медленными волнами колышутся испарения. Видно шага на четыре, не больше. Виктор идет впереди. Оба они дышат тяжело, видно, что изрядно устали. Профессор еле плетется, спотыкаясь на каждом шагу.

Потом Виктор вдруг останавливается, будто налетев на невидимое препятствие. Он стоит совершенно неподвижно, осторожно поводя носом из стороны в сторону. Профессор останавливается рядом и опирается на жердь, еле переводя дух.

— Ну… что такое? Почему… стоим? — спрашивает он.

— Молчи… — тихо говорит Виктор.

Он делает движение шагнуть, но остается на

месте. Запускает руку в набедренный карман, вытаскивает гайку, делает движение замахнуться, но не замахивается. Гайка падает из его руки. Лицо его бледно до зелени, покрыто потом.

— Н-нет, — бормочет он. — Не могу…

Растопырив руки, он пятится, оттесняя Профессора назад. Потом он, не глядя, отбирает у Профессора жердь и тыкает в болото рядом с гатью.

— Так-то оно будет вернее… — сипит он. — А ну, давай за мной…

Он осторожно слезает с гати и сразу проваливается выше колен.

— Зачем? — жалобно спрашивает Профессор. Он очень устал.

Виктор не отвечает. Ощупывая перед собой дорогу жердью, он все круче забирает в сторону от гати.

Они измотаны до предела и облеплены грязью. Туман совсем сгустился. Они бредут по пояс в чавкающей жиже, то и дело падая, погружаясь с головой, отплевываясь и кашляя. Остановиться нельзя, трясина засасывает.

Вдруг Профессор проваливается по шею, пытается вырваться и лечь плашмя, но у него ничего не получается, и он из последних сил кричит:

— Виктор… помогите!

Виктор оборачивается. Самый неподдельный ужас изображается на его лице.

— Ты к-куда? — хрипло кричит он и, расплескивая грязь, бредет к Профессору. — Рюкзак! Рюкзак сбрось!

Профессор мотает головой, торчащей над поверхностью жижи.

— Жердь! — сипит он. — Протяни жердь!

— Бросай рюкзак, тебе говорят!

— Же… — Профессор уходит в болото с головой, снова выныривает и ревет страшным голосом: — Жердь давай, скотина!

Он пытается схватиться за протянутую жердь, промахивается, потом ощупью находит ее и вцепляется обеими руками.

Солнце. Раскаленная кремнистая пустошь. Вдали желтые отвалы породы, торчит задранный ковш брошенного экскаватора. Виктор и Профессор сидят в тени домика, вернее — вагона, снятого с осей: когда-то здесь располагалась контора хозяйства, разрабатывавшего карьер.

Передавая друг другу бутылку, они тянут спиртное и вяло переругиваются.

— Ну и потонул бы, как крыса, — ворчит Виктор. — И меня бы с собой утянул…

— Нечего было в трясину лезть, — огрызается Профессор.

— Это не твоего ума дело — куда мне лезть…

— Вот и мешок этот — тоже не твоего ума дело…

— Да что у тебя там — золото, что ли?

— Нет, это просто уму непостижимо! — произносит Профессор. — Идем по прекрасной ровной дороге. И вдруг он лезет в болото!

— Чутье у меня, ты это можешь понять или нет? Чутье на смерть!

— Оставьте меня в покое со своим чутьем. Это просто чудо, что мы выбрались.

— Вот чудак очкастый! — Виктор хлопает себя по коленям. С него осыпаются ошметки засохшей грязи.

— Мои очки — это тоже не ваше дело. Вы и так меня наполовину ослепили.

— Тебя не ослепить, тебя жердью этой надо бы между ушей! Это надо же, из-за пары грязных подштанников чуть в рай не отправился! Дай сюда бутылку…

— При чем здесь подштанники?

— Ну, что там у тебя в мешке? Ну, консервы… Из-за банки консервов…

— Вы, между прочим, тоже свой рюкзак не

сбросили.

— Я, во-первых, не тонул, это раз. А во-вторых, у меня там запасной панцирь! На всякий случай…

Профессор машет безнадежно рукой, кладет рюкзак на бок и ложится, положив на него голову. Виктор закуривает, оглядывает местность. Затем тоже ложится на спину, ворочается и достает из-под себя ржавую консервную банку. Вертит ее перед глазами.

— Стервятник закусывал… — произносит он и отбрасывает ее от себя. — Вот ведь сволочь, ничего на болоте не указал, а там что-то есть… Может быть, конечно, потом появилось, после него…

— Слушайте, Виктор, — подает голос Профессор, не раскрывая глаз. — Что, Стервятник — единственный человек, который дошел до Золотого Круга?

— Да. Других не знаю.

— А вы знаете таких, которые шли, но не дошли?

— Знаю кое-кого… Я и сам ходил и не дошел.

— А за чем они шли?

— Кто за чем… В основном за деньгами, конечно.

— А вы?

Некоторое время Виктор неприязненно мол-

чит.

— У меня дела свои… семейные…

— Как у Стервятника?

Виктор резко поднимается и смотрит на Профессора. Но тот лежит с закрытыми глазами, покойно сложив руки на груди.

— Ты меня со Стервятником не ровняй, — произносит Виктор угрожающе.

Профессор молчит.

— Ты Стервятника не знал, в глаза не видел, — говорит Виктор, снова укладываясь, — и меня ты не знаешь. Так что нечего нас ровнять.

— Никто никого не знает, — говорит Профессор, не открывая глаз.

— Почему?

— Потому что век наш весь в черном, — говорит Профессор. — Он носит цилиндр высокий, и все-таки мы продолжаем бежать, я затем, когда бьет на часах бездействия час и час отстраненья от дел повседневных, тогда приходит к нам раздвоенье, и мы ни о чем не мечтаем.

— Это еще что за молитва? — презрительно говорит Виктор.

— Это святой Аполлинер.

— А? А-а… Ну, я не верующий.

— Но в Золотой Круг поверили?

— Так Золотой Круг… Как же не поверить? Одна надежда на него… Ты же и сам поверил, хотя и ученый…

— Да, я поверил. Я вообще склонен верить в страшные сказки. В добрые нет, а в страшные — да… — Профессор вдруг поднимается. — А вам никогда не приходило в голову, что будет, когда поверят все? Когда они все сюда кинутся, тысячами, сотнями тысяч…

— Ну и что? И сейчас многие верят, да поди доберись!

— Доберутся, дружок, доберутся. Один из тысячи, а доберется. Стервятник ведь добрался… А Стервятник еще не самый плохой человек. Бывают люди пострашнее… Им не золото нужно, и семейных дел у них никаких нет. Они будут мир исправлять, голубчик! Всех людей на свете переделывать по своей воле… Вы представьте только, сколько их среди нас, все эти несостоявшиеся императоры всея земли, фюреры всех мастей, великие инквизиторы, фанатики, благодетели человечества, просто сумасшедшие… Думали вы об этом?

— Нет, — ответил Виктор презрительно. — Плевать я на них хотел.

— Напрасно. Вы о них не думаете, но они-то о

вас думают. Вы представьте себе на минутку, что вы нашего писателя довели-таки до Круга… Ведь он же всех ненавидит, ведь у него идеал какой — пустая зеленая земля, тишина и покой, кладбище… Я думаю, что он и сам это понял. Поэтому он и остался…

Некоторое время они молчат. Виктор задумчиво сковыривает с себя ошметки засохшей грязи.

— Нет, — говорит он. — Не знаешь ты людей, Филипп, поэтому и философию разводишь. Он, конечно, может и придет к Золотому Кругу, чтобы всю землю переделать, да ничего у него не выйдет, потому что на самом деле на землю ему плевать, а нужна ему баба, водка нужна и денег побольше… ну, в крайнем случае, чтобы у его начальника морда через пупок проросла… Фанатизмы все эти, фюреры — откуда все это берется? Либо его бабы не любят, либо желудок плохо варит и изо рта у него воняет, вот он и бесится. Вот ты — зачем идешь?

Профессор криво усмехается.

— Н-ну, не ради баб, во всяком случае.

— Да я и сам знаю, что не ради баб. Научное что-нибудь? В экспедицию тебя не взяли, вот ты и решил им всем доказать. И правильно. Правильно! Понимаешь? Не мир переделывать пришел,

а свои личные дела поправить, открытие какое-нибудь сделать, чтобы все ахнули. Вот, мол, оказывается у нас Филипп-то какой, дать ему мировую премию! Так?

— Ну, допустим…

— Да не допустим, а так это все и есть! Что я зря, что ли, в вашем институте два года жалованье получал? Я вас всех как облупленных знаю… Хочешь — скажу, что у тебя там в рюкзаке?

Профессор тщательно протирает единственное стекло своих очков.

— Ну, скажите, — произносит он, не поднимая лица.

— Приборы какие-нибудь! Анемометры, понимаешь, радиометры, амперметры, вариометры… Вы же из-за них задавиться готовы. Стервятник из-за золота, а вы из-за этих своих железок с циферблатами! Понаставишь все это свое добро на Золотой Круг и начнешь показания снимать, и ничего тебе кроме этого не надо… Ну, угадал? Потонуть ведь был готов, но не бросил…

Профессор надевает очки и с вызовом смотрит на него.

— Угадали, но не совсем. Это экспресс-лаборатория. Автомат.

Виктор смеется, очень довольный.

— Ну, автомат. Какая разница? Телеметрия, значит, еще лучше. Вернешься домой, натянешь белый халат, а оно тебе отсюда все само передает… Так что ты мне тут не философствуй, старичок. Все мы человеки, все мы одним миром мазаны. Ты, понимаешь, на Золотом Круге можешь счастья человечеству пожелать, но Золотой-то Круг — он только СОКРОВЕННЫЕ желания выполняет!

Они идут через кремнистую пустошь, направляясь к желтым отвалам карьера, к задранному, красному от ржавчины ковшу экскаватора. Профессор идет впереди. Он сильно прихрамывает и опирается на жердь.

Они стоят на краю карьера и смотрят вниз, и на грязных их лицах мерцают желтые отблески от Золотого Круга.

Слева — пологий спуск в карьер, разбитый гусеницами и колесами грузовиков. У начала спуска стоит, покосившись на груде выветрившейся породы, экскаватор с задранным ковшом.

— Другого спуска нет, — говорит Виктор. — Здесь кругом «комариные плеши» и всякая другая дрянь…

Профессор вытирает лицо дрожащей ладонью.

— А если попробовать с обрыва, на веревке?

— Я же тебе объясняю, чудак: нельзя. Верная смерть.

Они говорят тихо и даже как-то равнодушно — усталые, вымотанные вконец люди, изнемогающие под беспощадным солнцем.

— А здесь — не верная?

— А здесь — пятьдесят на пятьдесят.

Профессор снова вытирает лицо и смотрит в сторону спуска. Широкая дорога, избитая гусеницами и колесами грузовиков. Ничего страшного, ничего угрожающего.

— А что здесь — огонь, ток?

— Не знаю, — говорит Виктор. — Знаю только, что первый проходит пятьдесят на пятьдесят, а второй — на все сто.

— Это как там, в трубе?

— Примерно.

Профессор смотрит на Виктора.

— Значит, ты для этого меня и взял?

— Да.

Профессор отводит глаза и снова смотрит на спуск.

— А если я не пойду?

— Тогда я тебя убью, — спокойно говорит Виктор. Профессор криво усмехается. — Тебя убью, — продолжает Виктор, — а экспресс-ла-

бораторию твою измельчу на кусочки. Это тебе мое слово.

Профессор медленно стягивает рюкзак и расстегивает клапан. Обнажается верхняя часть массивного цилиндра, тускло отсвечивающего металлом на солнце. Там нет ни циферблатов, ни шкал. Только диск наподобие телефонного в центре верхнего днища.

Профессор медленно набирает четырехзначный номер. Раздается тихий щелчок.

— Ну, положим, такую штуку на кусочки не измельчишь… — замечает он.

— Ничего, я уж постараюсь, — говорит Виктор. — Ты уж мне поверь. У меня с собой, между прочим, на всякий случай динамитная шашка. Вот уж не думал, не гадал, для какого дела она мне понадобится…

Профессор выпрямляется.

— Насчет пятьдесят на пятьдесят, — говорит он, — ты, конечно, врешь…

Виктор мотает головой.

— Нет, — говорит он. — Если Стервятник не наврал, то и я не наврал.

Профессор, теперь уже не отрываясь, смотрит на спуск.

— Глянуть смерти в лицо, — бормочет он, —

сами мы не могли. Нам глаза завязали и к ней привели… Может быть, хоть жребий бросим все-таки?

— Нет. Жребий мы бросать не будем. Это не игра. Это вы все в игры играете, а мне нельзя. У меня дочка калека. Я по Зоне ходил, а она за это расплачивается. Ребенок. Дразнят ее. И ничего нельзя сделать. Все, что приносил, на докторов ухлопал. Все без толку. Они уже и не обещают ничего. У меня это последняя надежда. Мне рисковать нельзя. Иди, Филипп, иди. Не бойся. Все обойдется. Иди.

Профессору очень страшно. Он делает несколько шагов к спуску, и видно, как у него подгибаются ноги. Потом он останавливается и стоит, понурив голову. Виктор вынимает из кармана нож и, заведя руку за спину, щелкает выскочившим лезвием.

— Это больно? — спрашивает Профессор, не оборачиваясь.

— Нет, — говорит Виктор. — Нет! И не почувствуешь ничего… Да что я говорю — ничего с тобой не будет! Иди, старик, иди!

И Профессор идет. Сначала медленно, спотыкаясь на колдобинах, затем все быстрее и быстрее, и вот он уже бежит, выставив перед лицом со-

гнутую руку.

Виктор отворачивается. Глаза его крепко зажмурены, кулак с зажатым в нем ножом он прижимает ко рту, голова его втягивается в плечи. Несколько секунд он еще слышит за спиной удаляющееся буханье подкованных сапог Профессора, а потом этот звук внезапно обрывается, и раздается короткий сдавленный вопль. Виктор прижимает к ушам ладони, и к его ногам падают и вдребезги разбиваются очки.

Некоторое время он стоит неподвижно, затем осторожно отводит ладони от ушей.

Тишина. Нет, не совсем тишина. Слышится слабое тиканье. Виктор нагибается, подбирает оправу, зажимает ее в кулаке и осторожно оборачивается.

На спуске — никого. И ничего. А тиканье все громче. Это тикает экспресс-лаборатория, торчащая из развязанного рюкзака Профессора. В злобе и отчаянии Виктор пинает ее сапогом, и она тяжело заваливается набок. Ждать больше нечего.

Поминутно утирая единственным уцелевшим рукавом залитое потом лицо, Виктор начинает спускаться в карьер. Губы его беззвучно шевелятся, глаза полузакрыты. Он похож на одержимого. Он и есть одержимый.

Увязая по щиколотку в белом песке, он бредет по дну карьера и подходит к краю огромного желто-сверкающего диска. Не задерживаясь, он ступает на него, и нога его проваливается, и он бредет по золотой пленке, оставляя за собой черные рваные дыры, не переставая что-то беззвучно твердить, шевеля губами, полузакрыв глаза и откинув голову назад… И он сходит на песок и идет по песку, а в карьере сгущаются сумерки, а он все идет по песку, и карьер погружается во мрак, и слышится скрип, словно отворяется деревянная дверь, и шорох шагов по песку сменяется стуком каблуков по камню, и в сером свете Виктор поднимается по лестнице и вступает на лестничный пролет своего дома. Здесь все тот же режущий яркий свет лампочки без плафона, грязноватая лестница, уродливая карикатура на стене, и только пьяный в цветастом шарфе теперь уже не стоит, а сидит в том же углу, широко раскинув ноги, бессильно уронив голову на грудь.

Трясущейся рукой Виктор отпирает дверь своей квартиры и входит в пустую прихожую, распахивает дверь в гостиную и останавливается на пороге.

Жена стоит у стола и смотрит на него, а рядом с нею стоит девочка-калека, опершись на косты-

лики и высоко подняв острые плечи, косолапо поставив тоненькие больные ноги, и тоже смотрит — не на него, а немного мимо, сквозь черные очки.

Он сразу сникает. Опустив голову, он неловко стягивает с себя рюкзак и бросает его на пол. И рюкзак лопается во всю длину, и из прорехи извергается на пол поток золотых монет вперемешку с обандероленными пачками банкнот.

Он тупо смотрит на эту кучу, и жена его с окаменевшим лицом смотрит на эту кучу, и только девочка смотрит черными очками куда-то в сторону.

Они молчат. И в тишине слышно нарастающее тиканье. Это тиканье вдруг прерывается, и ослепительный свет заливает окна. Виктор и его жена, вскрикнув, закрывают лица руками, а девочка быстро поворачивает голову к окнам. Свет за окнами меркнет, и страшный удар сотрясает дом. С лязгом и дребезгом вылетают стекла, распахиваются рамы, и в опустевших проемах видно, как над черными силуэтами домов вспухает, раздувается гнойным пузырем огненный гриб атомного взрыва.

И тогда Виктор опускает взгляд на свой сжатый кулак и разжимает пальцы. Черная искорежен-

ная оправа очков соскальзывает с его ладони и падает на поток золота, еще продолжающий медленно изливаться из прорехи в рюкзаке.